

Что скрывает вода

Яшви Садхир

Яшви с нетерпением ждала момента, когда можно будет покинуть деревню Шакалов и наконец уехать. Ей было не по себе, постоянно хотелось куда-то спрятаться, но она должна была помогать раненым и целителям. Времени на то, чтобы жалеть себя, почти не оставалось, но так было проще. Тоска нападала на нее поздними вечерами, когда приходило время ложиться спать, и Яшви начинало казаться, что она по-прежнему ощущает на себе какую-то грязь.

В пути, когда за спиной скрылись постройки шакальской деревни, ей стало чуть легче - ветер уносил с собой тяжелые мысли, а трудная и долгая дорога нагружала тело, но все вернулось, когда Орда встала у озера на ночь. Солнце садилось быстро, и нужно было успеть поставить гэры до темноты. Яшви всегда очаровывалась тем, как быстро можно возвести человеческое жилье, имея для этого лишь каркас и несколько метров плотной ткани и войлока. Гэры вырастали словно из ничего прямо посередине степи, в них было тепло и уютно, даже если не брать во внимание, что здесь не было части мебели и всех ковров, которыми обычно устилали пол и стены, чтобы это не отнимало время при постройке.

Она занялась быстрым ужином - лепешки, козий сыр и жареное с овощами жирное мясо и конечно свежий сытный чай - пока Сонгцэн помогал ее семье с лошадьми. Алтан вернулся, но помощи мальчишки было мало, чтобы справиться с большим табуном, принадлежащим ее деду.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

В степи Сонгцэн не чувствовал себя гостем. Он становился частью семьи Яшви и наравне с остальными принимался за ту работу, которую нужно было выполнить. У кочевников не было слуг, но был хоть и налаженный, но трудоемкий быт, когда нужно расставлять и собирать гэры, следить за скотом и лошадьми, а теперь еще и думать о том, как наладить жизнь после очередных потерь в войне с шакалами.

К Лисам прибились женщины шакалов, которые пожелали уйти. Сейчас у кочевников было много забот и много работы, и Сонгцэн вернулся к Яшви, когда она уже закончила накрывать ужин. Перед этим он вымыл руки и умылся, хотя все равно чувствовал, что надолго пропах монгольскими лошадьми. За ними хорошо ухаживали, но совсем не так, как на королевской конюшне.

- Привет, - сказал он Яшви, зайдя в гэр.

Он снял легкую куртку, оставшись в футболке. В гэре было довольно тепло, да и Сонгцэн практически не мерз, благодаря магии Огня. Он подошел к девушке и поцеловал её в щеку.

Яшви Садхир

Яшви не стала гасить очаг, чтобы в гэре было светло и помещение не остывало. Ночи стояли все еще холодные, и наутро трава покрывалась инеем, но было

слишком мало топлива, чтобы поддерживать огонь всю ночь. А сейчас воздух нагреется хоть сколько-нибудь, напитанный запахами мяса, овощей и чая.

Вернулся Сонгцэн. В степи Яшви забывала о том, что он - наследный принц клана Кобр, но только не сейчас. Сейчас она впервые наоборот хотела быстрее покинуть степь и оказаться в Непале, в резиденции Кобр. Там нет Шакалов и там безопасно, и самая большая опасность может таиться только среди тех бывших наложниц и служанок, которые все еще оставались во дворце. Но она сможет справиться с любой из этих женщин.

- Чай почти готов, - ответила Яшви Сонгцэну. Ей было проще смотреть не на него, а на котелок с кипящим чаем или на низкий стол, где дымились миски с ужином. - Сегодня нужно собрать вещи. Завтра Орда поедет дальше, а мы свернем к Улан-Батору.

У нее было мало своих вещей здесь, все они в основном умещались в дорожном рюкзаке, потому что все остальное грузили в обоз к ее родне. Тащить с собой огромные баулы было бессмысленно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил, что Яшви старалась на него не смотреть. Он сел за стол, наблюдая за тем, как она готовила чай. Эти дни были нервными. Они проводили мало времени наедине, и Сонгцэн чувствовал, что Яшви что-то не давало покоя. Они смогли отбиться от Шакалов, сейчас Лисы могли накопить силы и объединиться в Орду - более ощутимую силу, чем разрозненные племена. И во главе оказывалась Алахчит - союзник Кобр, с которой можно было договариваться. Хотя Сонгцэн все равно видел, что поначалу Кобры мало получают от этого союза. Разве что глаза и уши в далекой Монголии.

- У меня почти нет вещей, - сказал Сонгцэн.

Он привык путешествовать налегке, потому что бывал только дома, в клане Лис и в Линь Ян Шо, где всегда мог найти все необходимое, не таская с собой много багажа в самолете. Как и Яшви, которая возила с собой не намного больше вещей, чем в тот день, когда впервые приехала в клан Королевских Кобр.

- За сколько доберемся до Улан-Батора? - спросил Сонгцэн у Яшви.

Яшви Садхир

Яшви сняла с огня горячий чай и поставила его на столик, затем опустилась на нижний валик из свернутого ковра, который не развернули и его можно было использовать в место подушки. Сейчас гэр почти ничем не напоминал тот, в котором она жила, когда приезжала в клан больше, чем на один день. Яшви вообще казалось, что это даже не ее гэр. И без лошадиного черепа на жерди перед входом чувствовала себя незащищенной.

- Я соберу еду и воду, - ответила Яшви. - Одежда, одежду. Мы пойдем вдоль реки вниз по течению, до Улан-Батора доберемся за два дня, если отправимся рано утром. Остановимся на ночь в Тэрэлже в дневном переходе отсюда.

Ей хотелось скорее покинуть степь, и Яшви была готова ехать верхом до самой темноты, если понадобится. Но она старалась никак не показывать, что чувствует себя как-то не так. У всех было много дел сейчас, и у Сонгцэна их было не меньше, чем у всех остальных мужчин в Орде. Многие воины погибли, и нужно было учиться жить дальше.

- Там должен быть гостевой дом. В любом случае, можно будет переночевать у кого-то из местных, если заплатить им, - она говорила больше обычного, как будто пыталась спрятаться за нагромождением этих слов, как за забором.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Разберемся, - сказал Сонгцэн.

Им приходилось ночевать и в горах почти под открытым небом. А сам Сонгцэн привык к тренировкам в клане и мог ночевать где угодно в любых условиях. Но он заметил, что Яшви говорила больше, чем обычно. Он отпил горячий сытный чай и закусил его мясом.

- Ты хочешь быстрее уехать? - догадался он.

Обычно Яшви любила гостить у Лис. Тут она была своей и чувствовала себя дома. И тут была её лучшая подруга - Алахчит, с которой они были совершенно разными, что не мешало им друг другу доверять. Сонгцэн внимательно посмотрел на Яшви. Она была скупа на мимику, по её выражению лица редко можно было догадаться, что было у неё на уме. Она не скрывала это специально, просто привыкла так жить с детства, когда её мысли и чувства никого не волновали.

Яшви Садхир

Яшви разложила по мискам горячее мясо с овощами и разлила по пиалам чай. Быт успокаивал ее, когда она готовила чай или простой быстрый ужин, или разбирала вещи, или занималась шитьем, это позволяло ей отвлечься. Хотя она не была фанатом домашних дел, Яшви находила в них какое-то необходимое ей утешение. Только не в стирке. Стирку она все еще терпеть не могла. Когда по гэру растекается аромат свежесваренного чая и домашней еды - создается ощущение, что все в порядке.

Она не сразу ответила, глядя на свой густой чай. Он получался у нее даже еще гуще, чем у тибетцев. Яшви каждый раз забывала, сколько нужно добавлять муки и делала на глаз, и всегда промахивалась с количеством. Зато он хорошо согревал и насыщал.

- Я не знаю, - все же сказала Яшви. - Я снова чувствую себя так, как тогда, на рынке. Как будто мой дом мне больше не дом.

Она долго пыталась понять, что же это за ощущение, и, наконец, теперь подобрала для этого слова. И хотя они с Сонгцэном это уже обсуждали, и Яшви вроде бы стало легче, ее тревожность никуда не ушла. Она верила, что он не отвернется от нее, но она не могла для самой себя принять произошедшее.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн выслушал Яшви и задумался. Он считал, что понял то, о чем она говорила, и подбирал слова, чтобы ей ответить. Прошло много времени с того дня, как он выкупил её на рынке, с тех пор Яшви очень изменилась, но были вещи, о которых она не могла забыть. И было странно рассчитывать, что когда-либо забудет, потому что это было частью её жизни.

- Я думаю, что хуже, чем тогда на рынке, - сказал Сонгцэн, внимательно глядя на девушку. - Тогда тебе было проще смириться. А сейчас ты знаешь, что с тобой так поступать нельзя. И что ты - не товар, которым можно откупиться. Разозлилась, у тебя сейчас есть на это силы. Твой дом - это твой дом, никто не смеет так себя вести ни с тобой, ни к кем угодно еще из лисиц. Вообще ни с кем не должны, но мы не можем воевать за весь мир, хотя бы за своих.

Тот шакал, который приставал к Яшви, уже был мертв. Для Сонгцэна это был сложный бой, но он справился. И остальные шакалы за это заплатили высокую цену. Но этого было недостаточно, раз Яшви не могла считать свой дом своим домом.

Яшви Садхир

Сейчас Яшви очень хорошо вспоминала все те ощущения, которые были у нее в тот день, когда мать привела ее на рынок и продала, и она стояла в душном узком проулке под навесом, который не спасал от жары. мучаясь от жажды и мечтая сделать хотя бы пару глотков воды, а прохожие мужчины или останавливались и спрашивали цену, либо брезгливо отворачивались. словно увидели что-то отвратительное, мерзкое, грязное. Она надеялась, что со временем она избавится от этих воспоминаний, но они все равно тащились следом за ней. Невозможно убежать от самой себя.

- Я не могу разозлиться, - призналась она. А стоило бы хотя бы попытаться, но она скорее чувствовала себя опустошенной и напуганной, чем рассерженной. И думала, что как-то должна с этим смириться, как со всем, что до этого происходило в ее жизни, как, в общем-то, всегда и делала. - Я чувствую себя виноватой и жду, что за этим последует какое-то наказание.

Логически это никак нельзя было объяснить, более того, где-то внутри Яшви понимала и принимала то, что ее вины никакой нет, но она слишком привыкла к тому, что мужчина никогда не бывает виноват, и за все, что происходит с женщиной, ответственна только она сама.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Ты не можешь быть виноватой в чужих поступках, - сказал Сонгцэн.

Он чувствовал, что у Яшви были сомнения в том числе насчет того, как произошедшее скажется на их отношениях. Иначе в чем она еще могла себя винить. Для Лис случившееся стало поводом, чтобы раскрыть предательство и вовремя спастись. И Алахчит не пришлось выходить за Шакала.

- У тебя не было выбора. Смерть брата - не выбор, - продолжил Сонгцэн. - Выбор был у Шакала, и он его сделал за тебя. Это несправедливо, и я считаю, что его смерти мало, чтобы искупить его поступок. Почему ты считаешь, что должна ждать наказания?

Он знал, что Яшви говорила о том, что чувствовала сама. Что его логика не всегда совпадала с тем, как ситуацию привыкла видеть сама Яшви, потому что у неё были свои представления о мире, которые невозможно полностью изменить за то время, что они были вместе. Сонгцэн понимал, что многое из того, что ему было очевидно с детства, для Яшви было открытием. И то, как жили Лисы, для неё во многом было новым. Как зверь, выросший в клетке, не сразу поймет, что ему делать на свободе. Даже если рядом много тех, кто готов помочь.

Яшви Садхир

Яшви замолчала. Сонгцэн говорил правильные вещи, где-то внутри Яшви с ними соглашалась, понимая, что все именно так, как он говорит, но там же внутри ее не покидало иррациональное ощущение какой-то порочности. Именно оно продолжало твердить, что она перед ним виновата. В Непале за нечто подобное муж не только имел бы право применить к ней какое-то физическое наказание, но и вообще выгнать как опозоренную и взять новую жену. Такие традиции были не во всем Непале, как она уже поняла, но в ее деревне это было в порядке вещей.

- Я чувствую себя мерзкой. Грязной, - на шее уже давно прошел след от укуса, да и на коленях синяков больше не было, но если ее спросить, где точно ее коснулся Шакал, Яшви без колебаний определила бы это место с удивительной точностью, и ей бы даже не пришлось смотреться для этого в зеркало. Следа не было снаружи, но он все еще оставался внутри. - Как будто я не могу отмыться.

Каждый раз она кипятила воду и терла кожу с таким остервенением, что давно бы содрала ее всю, но все равно это не помогало. Наверное, е сил бы Сонгцэн согласился с тем, что она виновата, сказал, что видеть ее не хочешь, это поставило бы между ними точку в отношениях, но внутри она ощутила бы облегчение. Потому что она виновата, она понесла свое наказание, и эту вину искупила.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Ты чувствуешь это, потому что тебя в этом убедили, - сказал Сонгцэн. - Как у человека может остаться ожог от холодной монеты, если он поверил, что она раскаленная. Жар придуманный, а ожог реальный.

Он не хотел, чтобы Яшви считала, что он не понимал серьезности произошедшего для неё. Они могли по-разному все воспринимать, но Яшви чувствовала именно то, что чувствовала. И он не мог сказать ей, что правильно по-другому, потому что он так это видел.

- Тебя приучили считать, что твоя ценность зависит от оценки других людей. Ну вот как лошадь на рынке покупают и смотрят, есть ли шрамы, какие зубы, хромота или нет. И за это назначают цену. Скажи, я бы стал хуже, если под угрозой смерти кого-то из близких стоял спокойно, когда посторонняя женщина стала бы ко мне приставать?

Он понимал, что логика могла быть бессильна там, где были сильные эмоции, но не мог найти других аргументов, чтобы сейчас поддержать Яшви.

Яшви Садхир

Яшви не поняла, как может от холодной монеты остаться ожог, если она холодная и не может обжигать, разве что только холодом, но решила, что сейчас не самое подходящее время, чтобы выяснять все тонкие подробности. Она и без того чувствовала, что есть вещи, которые она просто не в силах понять из-за своей ограниченности.

- Ты сам знаешь, какая за меня была назначена цена, - наверное, Сонгцэн руководствовался благими побуждениями, но получилось только хуже - Яшви на самом деле знала свою цену. И он знал. И эта цена была ей не в честь, потому что продали ее не за полцарства и тысячу лошадей. Это невозможно забыть, как бы она ни задирала упрямо подбородок и не делала невозмутимое лицо. Как ей смотрели зубы, есть ли шрамы и девственница ли она. После такого она тоже чувствовала себя мерзко, но смириться с этим было проще. Страшнее было не знать, что ее ждет.

- Это другое, - ответила она. - Ты мужчина. Никто не будет тебя осуждать. У меня чувство, что я предала тебя. Что не придумала другого выхода. Что это вообще произошло.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Это не твоя цена, это цена совести тех, по чьей вине ты там оказалась, - сказал Сонгцэн.

Он не хотел, чтобы Яшви восприняла его слова именно так. Потому что сколько они были знакомы, столько он пытался доказать ей, что она свободна, и что она не заслуживала такого отношения, которое видела с детства. И что людей нельзя продавать и покупать.

- Я - человек, как и ты. Всегда будут те, кто за что-то осудит тебя или меня, - сказал Сонгцэн. - Мне важно то, что думаешь обо мне ты, а не все остальные. Ты не предавала меня. В том, что случилось, нет твоей вины. И я не стал относиться к тебе хуже. Но я вижу, что тебе самой тяжело и хочу понять, как тебе помочь.

Его деда осудили бы, если бы в этом возрасте у него была одна жена, а не роскошный гарем. Сонгцэн мог поступать так, как считал нужным сам, но он был иначе воспитан.

Яшви Садхир

Яшви и сама не знала, как ей себе помочь. Раз она не могла разозлиться, чтобы понять несправедливость того, как с ней поступили, всю эту подлость и нечестность, она могла только смириться, как раньше, с тем, что это было, но было не по ее вине. Она сделала все возможное, чтобы защитить брата. Яшви понимала, что если бы она вернулась обратно в тот день и перед ней снова встал подобный выбор, она

приняла то же самое решение. Проще смириться с грязью, чем со смертью брата.

- Я хочу просто уехать, - призналась она. - Как можно скорее. Я не чувствую, что в безопасности здесь. И теперь вообще не знаю, где мой дом.

Дом там - где родные и где чувствуешь себя спокойно. Яшви же постоянно оборачивалась и дергалась, когда думала о том, что помимо того шакала есть еще и другие. И даже когда они уехали, с ними поехали женщины шакалов и их дети, некоторые - уже совсем взрослые, и тот шакаленок, который положил глаз на Алахчит. Невозможно бояться всех, но укушенный змеей боится и веревки. Яшви не ждала от них ничего хорошего. Но и в резиденции Кобр для нее не было места, она оглядывалась там не реже, а то еще и чаще, ожидая осуждения или опасности. Вот если бы можно уехать куда-нибудь далеко, чтобы никто не нашел...

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мы скоро уедем, - сказал Сонгцэн. - Мой дом там, где рядом ты. В степи, в Линь Ян Шо, в Непале. Я надеюсь, что со мной ты будешь в безопасности.

Он понимал, что они не смогут быть рядом все время. Но хотя бы в ближайшие недели ему нужно было быть с Яшви, чтобы ей было спокойнее. Ей нужно было пережить то, что случилось.

- Яшви, я тебя люблю, - сказал Сонгцэн, глядя на девушку. - Тебя, а не то, что подумают другие, не то, что положено и не положено. Тебя, как самого близкого мне человека.

Он очень хотел, чтобы она могла увидеть себя его глазами. Но понимал, что ее взгляд был иным. И что ей не по себе после случившегося. Сонгцэн не говорил о том, что рад, что успел быстро ворваться в дом шакала, в понимании Яшви это бы означало, что успеет тот больше, она стала бы хуже. А это было не так.

Яшви Садхир

Яшви снова промолчала, глядя на свою чашку. В гэре было не жарко, но Яшви чувствовала себя так, словно ей нечем дышать, и хотелось выйти наружу, чтобы ощутить прохладный свежий вечерний ветер и убедиться, что вокруг нее - Лисы, ее родной клан, пусть разросшийся сейчас, но все же - те же самые Лисы, что и раньше. Которые приняли ее как одну из них, несмотря на то, что монгольской крови в ней уже меньше, чем непальской, что она не знала ни их языка, ни их культуры, и только чувствовала, что должна с ними уехать.

Она не могла с уверенностью сказать, что ее дом был там, где был Сонгцэн. Она считала, что ему проще - у него есть место, куда всегда можно возвращаться, тихая гавань, где его любят и ждут. У Яшви было чувство, что эту гавань у нее отобрали и снова бросили в открытое море, вынуждая искать себе новое место. Она не могла уже чувствовать себя в безопасности там, где были Шакалы. Степь вдруг стала ужасно негостеприимной, отталкивающей. Как будто ее уютную чистую нору, которую она с таким терпением и с такой любовью строила для себя, занял кто-то другой, более сильный и наглый.

- Я не могу через это переступить, - наконец сказала она. - Прости.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не прошу, чтобы ты об этом забыла. Или чтобы сделала вид, что ничего не произошло, - сказал Сонгцэн. - Иначе это будет как будто я прошу тебя не обращать внимание на рану, из которой течёт кровь.

Он не знал, как правильнее себя вести сейчас, чтобы поддержать Яшви. Он не решался ее касаться, потому что не знал, как она это воспримет. Он не знал, какие его слова она готова услышать и принять, где найдутся те точки понимания, когда их картины мира снова начнут совпадать.

- Убить нойона шакалов мне было проще, чем понять, как тебе помочь. Чтобы ты не чувствовала себя грязной и виноватой, потому что это не так, - сказал Сонгцэн.

Это был трудный бой, в котором долго не было попятно, кто одержит верх, и принц Кобр с самого начала не был фаворитом. Но поступок шакала оставался в памяти дольше, чем сам виновник среди живых.

Яшви Садхир

По сути, ничего страшного не случилось. Она цела, невредима и здорова. У нее ничего не болит, она физически сильна, не пострадала, не считая шеи и коленей, но внутри у нее словно пустыню выжгли, забыв затем засеять свежей травой. И от этого почти физически плохо, потому что Яшви не знала, куда ей деться. Она видела, что Сонгцэн старается ей помочь, но его попытки ни к чему не ведут, потому что она сама не знает, что хочет. Остаться одной, чтобы пожалели и сказали, что все будет хорошо, чтобы обняли или, наоборот, никогда ее больше не трогали, чтобы не признавались в любви - потому что становится стыдно от того, что она не может сейчас ответить тем же признанием. И от этого чувство вины становится только сильнее.

Глаза жгло слезами, которые так и не пролились, потому что Яшви никогда не показывала своих слез кому бы то ни было. Она должна быть сильной, и сейчас, и потом, всегда. И жгло уже не только глаза, но и все внутри, как будто она целиком нырнула в жгучую крапиву и вся покрылась волдырями.

- Я не знаю, - повторила она с отчаянием. - Я не знаю, что мне делать. Я просто хочу уехать отсюда.

Если бы было возможно, она бы прямо сейчас начала седлать лошадей и рванула в дорогу, но и людям и коням нужно было отдохнуть перед завтрашним днем.

- Я начну собирать вещи, - возможно, если она будет делать хоть что-то, ей станет немного проще.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Соберем утром, - сказал Сонгцэн. - Завтра далеко ехать, и нужно отдохнуть.

Он понимал, что Яшви хотела что-то делать, чтобы отвлечься. Но дорога верхом через степь длиной в несколько часов - это тяжелое испытание даже для подготовленных всадников. И пока была возможность выпастись в гэре, не стоило её упускать, как бы ни скребли на душе кошки.

Сонгцэн посмотрел в глаза Яшви, которые показались ему стеклянными. Будто боль и страх, которые она испытывала, она изо всех сил прятала под ледяной броней. Он вспомнил, что ему знакомо это чувство. Когда сложнее всего позволить себе эмоции, а никакие действия не помогают сбежать от внутренней боли.

За то время, что Сонгцэн бывал в Монголии, он успел немного выучить язык. Понимал не все, говорил с сильным акцентом, но знаний хватало, чтобы обходиться в повседневной жизни. Не раз слышал он и песню, которая когда-то въелась в его память в то время, когда он не понимал в ней ни слова. Ту, которую Яшви пела ему в день смерти Майи Тхакур. И сейчас он начал напевать те же слова, с трудом вспоминая их, возможно, путая произношение. Напевал и продолжал смотреть в глаза Яшви, пытаясь, чтобы сейчас она почувствовала то же, что позволила ощутить ему в тот день, оставшийся, казалось, в прошлой жизни.

Яшви Садхир

Яшви взглянула на Сонгцэна, когда он сказал, что соберут вещи утром, но ничего ему не сказала. Она не могла сидеть на одном месте, когда одолевающие ее мысли становились навязчивее с каждой секундой. Теперь-то, наверное, она могла понять, почему Майя Тхакур предпочла сделать один единственный шаг из окна башни. Яшви не знала подлинно, что произошло, только по обрывистым слухам и том, что видела в давнем видении. И теперь уже никто не узнает правду, что было на самом деле, и что ощущала Майя в момент, когда перед ней стоял выбор без выбора.

Она не ожидала, что услышит знакомые напевы. Сильно искаженные акцентом, где с неправильным произношением, неверными окончаниями, но все равно легко узнаваемую песню, которую слышала и сама пела не раз, когда ей становилось особенно одиноко и когда она звала духов. Конечно, потом она выучила много других песен, самых разных, но эта оставалась для нее особенной. От нее рвалось сердце.

Яшви отвела взгляд, потому что ей казалось, что силуэт Сонгцэна начал расплываться, а глаза щипало, но она молчала все то время, пока песня не закончилась. Щеки были сырыми.

- Она называется "Пробуждение", - после сказала она. - И это песня-пожелание, чтобы всё и все в мире жили в единении и гармонии, думали и надеялись только о хорошем. Она очень монгольская.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не отводил глаз от Яшви и заметил, когда на её щеках заблестели слезы. От этого ей должно было стать легче. Невозможно держать все в себе. Когда слишком больно, невыплаканные слезы становятся ядом, разъедающим все изнутри.

- Когда ты пела эту песню мне, мне стало легче, - сказал Сонгцэн.

Он был уверен, что она помнила, когда это произошло. Он не мог сказать, что забыл все то, что чувствовал в тот вечер. Воспоминания оставались рубцом, который уже не болел. И страхом, что что-то подобное может повториться. Из всех, кто в тот день был во дворце, Яшви была единственной, кому он доверял настолько, что мог позволить себе слезы при ней. Тогда Сонгцэну казалось, что она понимала его лучше него самого. Сейчас он надеялся, что она испытает хоть что-то подобное.

В тот день он не понимал ни слова, хотя то, что понял потом, и то, что рассказала Яшви сейчас, очень точно отзывалось в нем при воспоминании об эмоциях, с которыми была связана эта песня.

Яшви Садхир

Яшви поспешила стереть щеки ладонью, потому что чувствовала себя неловко, когда разводила сырость при Сонгцэне. Да и вообще при ком бы то ни было. Ему, должно быть, неприятно видеть ее опухшее и покрасневшее от слез лицо. Она и так-то была далека от стандартов непальских или монгольских красавиц, а тут еще и устроила потоп.

Она уже смирилась с тем, что воспоминания о Майе Тхакур, как бы Яшви не старалась не вспоминать о ней, будут незримо присутствовать между ними всю их жизнь. Как эта песня, которая уже прочно стала ассоциироваться не с колыбельной, что она пела когда-то детям, а с теми, кто уже ушел. Сейчас Яшви жалела, что когда-то спела ее Сонгцэну. Эту песню у нее тоже отняли, она уже не ее особенная, она принадлежит Майе Тхакур.

- Теперь она всегда будет напоминать о том дне, - сухо ответила Яшви, - и ассоциироваться с ней.

Глупо было обвинять в чем-то Сонгцэна, но Яшви уже не могла себя сдержать. Обида копилась в ней, и сейчас норовила выплеснуться наружу, на того, кто единственный оказался в этот момент рядом с ней. На кого выплескивать ее было ужасно нечестно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- В том дне эта песня была единственным светлым моментом, - сказал Сонгцэн. - И ассоциируется с тобой.

Он очень ценил это воспоминание. Оно позволяло ему пережить остальное. В тот день он не думал о том, что когда-то Яшви станет его женой. Он видел в ней друга и единственного человека, которому в тот момент доверял. Хотя сейчас понимал, что то воспоминание было одним из решающих, когда он говорил со своим дедом о том, что на этот раз сам выберет себе невесту, даже если клану это не было выгодно.

- Я сожалею, что Асака уничтожил Сурикатов. Но Майя тебе не соперница. Мы с ней не были вместе, и я толком не знал её. Не сомневаюсь, что она была замечательной девушкой, но у меня не было возможности это узнать. Моя жена - ты. С тобой я просыпаюсь по утрам, тебя искал в мире духов, ради тебя воюю за лис,

тебе могу честно сказать, когда мне страшно или я чего-то не знаю. Ты - та женщина, с которой я хочу прожить всю жизнь.

Яшви Садхир

Яшви угрюмо замолчала. Она не считала себя такой уж прямо глупой, и ей хватало ума понимать, что обижаться на Сонгцэна не нужно, но иногда было сложно отделаться от мысли, что если бы Майя Тхакур не погибла от нападения людей Асаки, то Сонгцэн никогда бы не говорил ей эти слова. Потому что женщиной, с которой он бы хотел прожить жизнь, была бы Майя, а не Яшви. Яшви несколько по-иному относилась к умершим. Она знала, что некоторые из них могут вернуться. Не в мир живых, конечно, но в тот, где они задерживаются, когда их что-то привязывает.

- Когда я видела ее, после ее смерти, - это звучало бы странно для человека обычного, не знакомого с миром духов, но для Яшви это было все равно что встретиться с соедом вечером, чтобы обсудить новости, - она сказала, что отпускает тебя. Она сказала "Садхир-джи теперь твой". Она ушла, а я все еще не могу отпустить. Как будто на самом деле ты все еще принадлежишь ей, а она *позволила* мне быть с тобой рядом.

Иногда Яшви чувствовала себя так, что просто заменяет кого-то. Что недостойна быть рядом полноцено, что недостаточно хороша и на самом деле совсем не подходит Сонгцэну, потому что она не принцесса, не так воспитана, у нее не такое хорошее происхождение, и они слишком разные, чтобы понимать друг друга.

- И мне кажется, она всегда будет стоять между нами, - добавила Яшви.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не видел ничего странного в словах Яшви, это были издержки жизни с шаманкой, для которой живые и мертвые не очень отличались.

- Я последний раз ее видел на погребальном костре, - сказал Сонгцэн. - И ни разу не чувствовал, чтобы она хотела связаться со мной потом.

Яшви знала, что небольшой опыт в шаманизме у него был, но при встречах с духами он всегда был ведомым: его будто силой затаскивали в мир мертвых, где он шёл туда, куда вели.

- Ты встречала ее душу после той встречи? - спросил Сонгцэн. - Я не приносил ей клятв, она знала меня не больше, чем я ее. Я думаю, в том и в этом мире у неё много людей ближе и важнее, чем я.

Он знал, что понимает в жизни после смерти слишком мало, чтобы знать что-то наверняка, Яшви разбиралась в этом куда лучше. И если с кем Майя и могла общаться, то это с ней.

Яшви Садхир

Осознав, что Сонгцэн ее не понимает, Яшви покачала головой. Она не знала, как еще объяснить ему то, что ее волнует. Было вполне ожидаемо, что они имеют

совершенно разное представление о том, что хотят сказать и как это делают духи. Ей не хватало слов описать все то, что она чувствовала сейчас, когда внутри скопились боль, обида, какое-то разочарование, страх, раздражение и непонятная нервозность, когда хочется, судорожно оглядываясь, бежать и куда-то прятаться, забиться в самую глубокую нору, переживая невнятную мелкую дрожь, как от нервного озноба.

- Мне не нужно встречать ее душу снова, чтобы чувствовать это. *Она* ушла. Но *мне* все еще кажется, что она здесь. Это не то, что есть на самом деле. Это то, что я чувствую.

Она знала, что дух Майи Тхакур покинул междумирье, чтобы уйти навсегда туда, куда уходят те, кого отпускают. Потому что она не была привязана, и она ушла после того, как сказала те последние слова. Они не стали якорем, чтобы держать ее здесь, сама Яшви держалась за эти слова непонятно почему. Слово пыталась сделать наоборот - ты мне отдаешь, но это не мой выбор, я хочу выбрать сама.

- Неважно, - признала наконец Яшви. - Я не могу объяснить.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Решение быть вместе было твоим и моим, - сказал Сонгцэн. - И то, что происходит между нами, зависит от меня и от тебя.

Они уже говорили об этом. Линии судьбы, красные нити, предрешённость - это вероятности, а не то, что будет. Сонгцэн считал, что куда больше зависело от самих людей. От их умения слышать и понимать друг друга, от их готовности вкладываться в отношения и договариваться.

- Я не могу сказать, что ты чувствуешь неправильно, потому что чувства - это тоже реальность. Но я вижу, что между нами стоят твои боль, страх и стыд после того, что случилось с шакалом. И победить их мне сложнее, чем убить его самого, - сказал Сонгцэн.

Он думал о том, мог ли он что-то сделать для того, чтобы Яшви преодолела эти страхи, и чтобы она не думала о Майе, которой не было в их отношениях в реальности Сонгцэна.

Яшви Садхир

Было невыносимо сидеть на одном месте, пытаться не смотреть на Сонгцэна, потому что было не по себе, и понимать, что они все так же не понимают друг друга. Дело было вовсе не в выборе. А в том, что она не могла перестать держать воспоминания о Майе Тхакур, чем причиняла себе боль. И, наверное, она делала это все же осознанно, как и ее решение уехать с Лисами подальше от принца, как решение стоять в холодной воде, от которой немели ноги и все тело, потому что это причиняло ей боль, которой она наказывала себя за что-то. Только не знала, за что именно. Или просто привыкла, что само ее существование должно быть поставлено ей в вину, и без этого чувства было как-то не так.

Яшви стала собирать тарелки и миски со стола, пиалы и чаши из-под супа и чая,

чтобы это все вымыть и сложить в сундук, который утром заберет ее родня и увезет с собой.

- Я не знаю, Сонгцэн, - ответила Яшви. - Я не знаю, можно ли это вообще победить.

Сейчас ей мнилось, что ей станет легче, если они уедут из Монголии, но так она думала и тогда, когда мечтала уехать из деревни Шакалов. Они-то уехали, но легче ей стало лишь ненадолго. И ее проблемы она все равно повезет за собой в Непал, их не оставишь просто так здесь, как вот эту тарелку или старую рубашку, которую нет смысла зашивать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я тоже не знаю, - ответил Сонгцэн.

Он накрыл рукой руку Яшви и постарался поймать её взгляд. Он не знал, что будет правильно. И она тоже не знала. Но Сонгцэн боялся, что из-за шакала их с Яшви отношения дадут трещину из-за недоверия, которого не было с его стороны, но которое могло возникнуть у неё, просто потому что он тоже был мужчиной, хотя ничего подобного никогда себе не позволял.

- Но очень хочу найти выход, - сказал Сонгцэн. - Давай отдыхать, завтра тяжелый путь.

Он подумал, что до тех пор, пока Яшви было тяжело что-то решать, стоило просто ждать. Ему не нужно было быть слишком настойчивым и слишком упрямым. Он мог только быть рядом, ждать, слушать и надеяться, что страх отступит. Для начала стоило просто уехать туда, где меньше напоминало о шакале.

Яшви Садхир

Яшви замерла, когда Сонгцэн коснулся ее рукой, и посмотрела на его ладонь, которой он накрывал ее собственную. Ей было не по себе на него смотреть, как будто она недостаточно чиста или недостойна его. Этому учат девочек в непале - никогда не смотри на мужчину прямо, ведь ты всегда будешь ниже него. Ты грязная уже просто потому, что ты - женщина. Яшви высвободила руку, осторожно, но настойчиво. Она ему доверяла и знала, что он никогда не поступит подобным образом, но не могла отделаться от мысли, что поступила как-то неправильно, не так.

- Я уберу посуду и соберу вещи, - сказала она, все еще не глядя на Сонгцэна, поднялась из-за стола и занялась домашними заботами. Ей не хотелось оставлять эти дела наутро, или, что гораздо более вероятно, не хотелось сейчас продолжать разговор с Сонгцэном и ковыряться в себе, потому что она не знала, что ей поможет, и как ей себе помочь. Наверное, ей просто хотелось, чтобы ее не трогали, но при этом не оставляли одну.

- Ты ложись, постель готова, - заметила она, опуская тарелки и миски в воду, чтобы их вымыть. Вода была горячее, чем обычно.
